

Способы употребления диких трав передавались из поколения в поколение - знания, добытые в годы бесчисленных голодов. Нин Гуйчжу пришёл из будущего и с самого начала стоял, образно говоря, «на плечах гигантов», поэтому ему было трудно понять, как весной, когда вокруг столько зелени, может не хватать еды.

Заметив, что мать и дочь занервничали под его взглядом, Нин Гуйчжу огляделся вокруг, собрал несколько съедобных растений, подошёл ближе и сказал:

— Ищите вот такие. И не смешивайте их между собой, когда будете готовить - среди них есть лекарственные травы, если съесть вместе, может начаться понос.

Женщина явно не ожидала, что он действительно поможет. Её глаза мгновенно наполнились слезами, и она стала снова и снова благодарить его.

Нин Гуйчжу неловко почувствовал себя от такой сцены. Когда женщина даже попыталась потянуть дочь за собой, чтобы вместе опуститься на колени в благодарности, он поспешно улизнул, словно намазав пятки маслом, и быстро исчез среди деревьев.

Набрав больше половины корзины дикой зелени, Нин Гуйчжу вернулся домой. Пока Сюн Цзиньчжоу разбирал принесённые овощи, он не удержался и рассказал о встрече в горах, добавив с недоумением и тревогой:

— Неужели в деревне настолько не хватает еды?

Сюн Цзиньчжоу выловил зелень из воды, отложил в сторону и налил новую, чтобы промыть второй раз. Затем спросил:

— Та женщина с ребёнком... обе худые, маленькие, и выглядят очень робкими?

— Да. Ты их знаешь?

— Не то чтобы знаю, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — Просто слышал. Дом девятой тётки - один из самых бедных в деревне. Муж у неё умер, свекровь больна. Кроме девочки, есть ещё ребёнок, который родился уже после смерти отца. Вся семья держится только на ней одной, накормить всех досыта трудно.

В деревне все собирают дикие травы. У девятой тётки жизнь тяжёлая, но и у остальных не намного лучше - никто не станет отдавать свою добычу.

Нин Гуйчжу зацепился за другое:

— Девятая тётка? Это какая-то родственница?

— Да нет, — Сюн Цзиньчжоу покачал головой. — Скорее прозвище. Я сколько себя помню, её так и называли. Если хочешь узнать точно, нужно спросить у матери или старших.

— Понятно.

Нин Гуйчжу запомнил этот разговор, и даже аромат тушёного мяса не смог отвлечь его мысли.

Скоро наступит время ужина. Нин Гуйчжу вымыл руки и тщательно вымесил поднявшееся тесто, выпустив из него воздух. Затем разделил его на небольшие лепёшки и разложил рядом. В тушёное мясо он добавил немного соевого соуса для цвета, перемешал пару раз и прилепил лепёшки по краям сковороды.

Лепёшек получилось много, часть он даже разложил поверх мяса.

Из очага он вытащил пару поленьев, оставив слабый огонь. Когда лепёшки в котле схватились, Нин Гуйчжу открыл крышку, сдвинул их немного в сторону и добавил оставшиеся, после чего засучил рукава, собираясь заняться дикой зеленью.

— Второй! Выйди-ка, помоги забрать вещи! — раздался за воротами голос Сюн Шишаня.

Сюн Цзиньчжоу поднялся и вышел. Увидев, что отец принёс, он удивился:

— Зачем вы ещё и это принесли?

Сюн Шишань сунул ему в руки деревянное ведро, а сам понёс другое во двор:

— Это те водяные побеги бамбука, что вы собирали. И немного сушёных бамбуковых ломтиков. Твоя мать потом ещё принесёт.

— А, понятно.

Раз уж это всё Нин Гуйчжу добыл сам, Сюн Цзиньчжоу ничего больше не сказал.

Когда он с отцом вошёл во двор, Нин Гуйчжу подошёл посмотреть. Он достал горсть уже вымоченных до мягкого жёлтого цвета побегов водяного бамбука, вымыл руки и нарезал их кусочками длиной с фалангу пальца. Затем нарезал немного мяса и приготовил большую сковороду жареных побегов. Готовое блюдо он не стал сразу снимать с огня: добавил полчашки воды и оставил тихо томиться.

Сюн Цзиньчжоу налил Сюн Шишаню чашку воды и спросил:

— Отец, а эта Девятая тетка - она чья родственница? Почему у неё такое имя?

— Девятая тетка? — Сюн Шишань, вдыхая аромат еды, наполнявший кухню, едва удерживал внимание. Он сделал глоток воды, чтобы приглушить разыгравшийся аппетит, и только потом ответил:

— Она нам не родственница. У её родителей родилось подряд пять дочерей и четыре сына, она как раз девятая по счёту, поэтому её звали Цзю-нян (Девятая девица). После замужества уже неудобно было звать её «девицей», вот люди и стали называть её Цзю-гу - Девятая тётка.

Сказав это, Сюн Шишань с удивлением добавил:

— А чего это ты вдруг про неё спрашиваешь?

Сюн Цзиньчжоу почесал нос:

— Да просто разговор зашёл. Кажется, у них дома совсем тяжело живётся.

— Она одна женщина, а на её плечах вся семья - и старые, и малые. Уже хорошо, что никто не умер, какие там хорошие дни.

Слушая эти слова Сюн Шишаня, Нин Гуйчжу невольно сжал руки. Он не удержался и спросил:

— Таких семей много?

Сюн Шишань на мгновение растерялся. Увидев на лице Нин Гуйчжу жалость, он нахмурился, но ничего лишнего говорить не стал, лишь ответил:

— Немало. У каждой семьи свои беды. У Цзю-гу ещё не самый тяжёлый случай.

Нин Гуйчжу на мгновение лишился слов.

Сюн Цзиньчжоу заметил, что ему тяжело, поднялся, налил ему чашку воды и тихо сказал:

— Не переживай. Сейчас уже не война, да и наш уездный судья хороший человек. Со временем таких случаев будет всё меньше.

— Мм...

Нин Гуйчжу рассеянно откликнулся, погружённый в свои мысли. Было видно, что слова Сюн

Цзиньчжоу его не слишком утешили.

Тем временем аромат блюд в котле становился всё сильнее и сильнее. Он разносился далеко вокруг, даже на другом конце деревни можно было уловить этот соблазнительный запах, от которого у людей невольно текли слюнки.

Когда вся семья Сюн собралась, Нин Гуйчжу разложил по чашкам каждому по лепёшке, пропаренной в мясном бульоне, и сел рядом с Сюн Цзиньчжоу. Сегодня он приготовил три блюда: тушёное мясо, водяной бамбук с мясной соломкой и холодную закуску из дикой зелени с мясным соусом. Порции были щедрые, поэтому ничего заранее делить не пришлось.

Лю Цюхун изначально хотела немного поучить Нин Гуйчжу, мол, надо следить за деньгами и не тратить их так широко. Но когда она села за стол, стоило ей открыть рот, и его тут же наполнила слюна. Какая уж тут выдержка, чтобы сначала читать нотации.

Она крепко зажмурилась, махнула рукой на всё и подцепила палочками кусочек мяса, отправив его в рот. Мясо оказалось мягким, нежным, солоновато-ароматным, а внутри чувствовалась лёгкая сладость. Вкус был спокойный, но очень насыщенный, оставляющий долгое послевкусие - ах, какая прелесть!

За столом остался слышен только тихий стук палочек.

Казалось бы, продукты те же самые, но из рук Нин Гуйчжу всё выходило особенным. Побег водяного бамбука были хрустящими и сладковатыми; поскольку их немного потопили вместе с мясной соломкой, на поверхности чувствовался лёгкий мясной привкус - очень нежный, но удивительно вкусный, совсем иной, чем у тушёного мяса.

А холодная дикая зелень! В ней совсем не было горечи. Мясного соуса было не так уж много, но аромат и вкус получились просто великолепные.

Лепёшки же пропитались мясным соком. У некоторых с одной стороны даже образовалась тонкая хрустящая корочка. Стоило откусить, и мягкое тесто было полно мясного аромата, а эта хрустящая корочка делала вкус ещё лучше. Казалось, что это даже вкуснее, чем блюда в уездных ресторанах!

Наслаждаясь едой, вся семья незаметно для себя переела и теперь лениво сидела за столом. Если бы в этот момент можно было ещё принять горячую ванну и хорошенько выспаться - это, наверное, было бы самое прекрасное ощущение на свете.

Сюн Цзиньчжоу заметил, что мать на какое-то время забыла о намерении их поучать, и быстро собрал посуду, отнёс её обратно на кухню. В чашках ещё оставалось немного бульона — если сполоснуть водой, потом как раз можно будет отдать собакам.

Он действовал не особенно скрытно. Лю Цюхун лишь приподняла веки и сразу догадалась, о чём он думает, тихо фыркнув.

Когда Сюн Цзиньчжоу вернулся с подносом прохладной воды и стал раздавать всем чашки, Лю Цюхун незаметно пнула Сюн Шишаня под столом и подала ему знак. Сюн Шишань почесал голову, наконец отвлекся от приятных мыслей о вкусной еде, серьёзно кашлянул и, когда вся семья посмотрела на него, сказал:

— Второй, ты ведь говорил своей матери, что есть радостная новость. Теперь-то можно рассказать?

При упоминании этого Сюн Цзиньчжоу сразу засиял, но всё же попытался сохранить перед Нин Гуйчжу вид спокойствия и сдержанности. С важным видом он сказал:

— Сегодня наш Гуйчжу помог уездному судье. Мало того что получил награду в сто лян серебра, так ещё и сам уездный судья попросил его стать учителем.

?

??

??????

Сказано это было слишком буднично, поэтому вся семья некоторое время сидела в полном замешательстве, будто над головами один за другим всплывали вопросительные знаки.

Сюн Цзиньчжоу такая реакция не устроила. Он сам спросил:

— А похвалить не хотите?

Мой фулан ведь просто невероятный!

— Пам-пам-пам-пам! — трое детей, не имея особого представления о том, что такое «сто лян», первыми пришли в себя и начали изо всех сил хлопать в ладоши. Их щёки покраснели от возбуждения. — Дядюшка такой крутой!!!

Сюн Цзиньчжоу удовлетворённо кивнул:

— Ну конечно...

Он не успел договорить, как получил шлепок по затылку, так что голова едва не врезалась в

стол. Сюн Цзиньчжоу ошарашенно поднял голову:

— Мам, ты чего дерёшься?!

— Ничего, просто проверила, не сон ли это.

Голос Лю Цюхун звучал рассеянно; она держалась за лоб и всё ещё была ошеломлена.

И сто лян серебра, и то, что уездный судья попросил Чжу-гера стать учителем - всё это звучало так, будто происходит во сне.

Сюн Цзиньчжоу: «...»

Разве, чтобы проверить сон, не себя бьют?

Лишь спустя некоторое время Ван Чуньхуа пришла в себя и стала расспрашивать:

— Цзиньчжоу, расскажи всё толком. Чем именно вы помогли? И чему Чжу-гера будут просить учить людей?

Сюн Цзиньчжоу, на которого все уставились, рассказал им всё, что произошло утром. Нин Гуйчжу иногда вставлял пару пояснений. Когда рассказ закончился, лица у всех всё ещё были немного растерянные. Но, благодаря блеску серебра, они хотя бы убедились, что всё это правда, и, подперев головы руками, пытались принять эту неожиданную реальность.

Семья Сюн ушла домой всё ещё в лёгком оцепенении.

Нин Гуйчжу принял ванну и теперь сидел у окна, расчёсывая и собирая длинные волосы.

— Чжу-гер, — Сюн Цзиньчжоу вошёл с керосиновой лампой. Увидев его у окна, он поставил лампу на тумбочку у кровати. — О чём думаешь?

— Ни о чём, — Нин Гуйчжу встал. — Пора спать.

Окно закрыли, и комната погрузилась в полумрак, лишь мягкий свет масляной лампы тихо колыхался.

Сюн Цзиньчжоу помассировал Нин Гуйчжу колени. Он не стал сразу ложиться, а сел по-турецки на край кровати и некоторое время смотрел на молчаливого Нин Гуйчжу. Затем тихо спросил:

— Ты всё ещё думаешь о Девятой тетке?

Нин Гуйчжу молчал.

Спустя долгое время он перевернулся лицом к Сюн Цзиньчжоу. В слабом свете керосиновой лампы он смотрел на него и тихо сказал:

— Я умею много всего.

А это ведь эпоха, в которой можно выжить ремеслом. Пусть в исторических книгах и пишут про «учёных, земледельцев, ремесленников и торговцев», но рассуждать об этом могут лишь те, у кого есть хоть какое-то состояние. Куда больше людей даже поесть досыта не могут, им просто не до таких вещей.

Раньше Нин Гуйчжу это понимал только умом. Но увидев сегодня ту женщину с ребёнком он по-настоящему осознал, что стоят за этими лёгкими словами.

В ночной тишине его голос был почти неслышным, как жужжание комара:

— Я хочу им помочь.

<http://bllate.org/book/14958/1574860>